

Оценка динамики переживания террористической угрозы до и после террористического акта в Крокус Сити Холле

Быховец Ю.В.

Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-4334>, e-mail: bykhovetsjv@ipran.ru

Казымова Н.Н.

Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3414-8551>, e-mail: kazymovann@ipran.ru

---

В работе представлены результаты исследования переживания террористической угрозы, психологического стресса и тревоги у молодых девушек 18–26 лет до теракта и после него (выполнено два временных среза: спустя 3 дня и 8 месяцев). Показано, что после теракта 22 марта 2024 г. в Крокус Сити Холле наблюдается рост переживания террористической угрозы за счет усиления бдительности и настороженности, прогнозирования новых терактов, повышения беспокойства за близких, потребности в получении и обсуждении информации о терактах. Спустя 8 месяцев после теракта эти показатели остаются на прежнем уровне, за исключением прогнозирования новых терактов (по этому аспекту зафиксировано снижение). В то же время зафиксировано отсутствие изменений в показателях стресса, тревоги и депрессии. Кроме того, было выявлено повышение враждебности к представителям других национальностей, что может быть связано с особенностями информационного освещения событий.

Ключевые слова: теракт, переживание террористической угрозы, информационная угроза, безопасность, стресс, тревога, депрессия.

Финансирование: Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2024-0009 «Системное развитие субъекта в нормальных, субэкстремальных и экстремальных условиях жизнедеятельности».

Для цитаты: Быховец Ю.В., Казымова Н.Н. Оценка динамики переживания террористической угрозы до и после террористического акта в Крокус Сити Холле [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2024. Том 13. № 4. С. 167–180. DOI: 10.17759/cpse.2024130409

Assessment of the Dynamics of Experiencing a Terrorist Threat before and after the Terrorist Attack at Crocus City Hall

Julia V. Bykhovets

Institute of psychology of Russian academy of science, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-4334>, e-mail: bykhovetsjv@ipran.ru

Nadezhda N. Kazymova

Institute of psychology of Russian academy of science, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3414-8551>, e-mail: kazymovann@ipran.ru

---

The article presents the results of a study on the experience of terrorist threat, psychological stress and anxiety among young girls aged 18-26 before and after a terrorist attack (two times were performed: three days and eight months later). It was shown that after the March 22, 2024 terrorist attack in Crocus City Hall, there was an increase in experience of the threat due to increased vigilance, alertness, anticipation of future attacks, concern for loved ones and need for information about attacks. Eight months after the attack, these indicators remained at the same level except for anticipation of new attacks (decrease was recorded). At the same time there were no changes in stress, anxiety or depression indicators. In addition, there has been an increase in hostility towards representatives of other nationalities, which may be related to the peculiarities of information coverage of events.

Keywords: terrorist attack, experiencing terrorist threat, information threat, security, stress, anxiety, depression.

Funding: The study was carried out in accordance with the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 0138-2024-0009 «Systemic development of the individual in normal, subextremal and extreme conditions of life».

For citation: Bykhovets Ju.V., Kazymova N.N. Assessment of the dynamics of experiencing a terrorist threat before and after the terrorist attack at Crocus City Hall. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2024. Vol. 13, no. 4, pp. 167–180. DOI:10.17759/cpse.2024130409 (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Актуальность изучения переживания террористической угрозы не уменьшается с течением времени. Теоретические и эмпирические исследования переживания террористической угрозы позволили сформулировать ряд положений, составляющих основу концептуальной модели этого переживания [1; 3; 4; 8]. Информационные сообщения об угрозе терактов рассматриваются нами как психологический стрессор,

обладающий негативным психологическим воздействием на тех людей, которые через СМИ становятся свидетелями трагических событий. При этом, среди получивших эту информацию людей можно выделить уязвимую группу, для которых воздействие этого стрессора оказывается психотравмирующим, вызывая у них обострение различной психопатологической симптоматики и признаки посттравматического стресса разной степени выраженности, в отдельных случаях достигающей клинического уровня посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Психологическое содержание переживания террористической угрозы выражается в субъективной оценке риска стать жертвой теракта, находящей свое отражение в мыслях и представлениях (когнитивный компонент), эмоциональных реакциях и чувствах (эмоциональный компонент), а также в поступках и действиях (поведенческий компонент) субъекта.

Психотравмирующий эффект террористической угрозы для широких слоев населения, не пострадавших от терактов непосредственно, обусловлен несколькими факторами. Во-первых, информационно-психологические факторы. С одной стороны, у населения нет информационных возможностей предупредить данную опасность, т.е. террористическая угроза характеризуется высокой степенью неопределенности: люди живут с пониманием того, что теракт может произойти в любом месте и в любое время. Проведенное нами ранее исследование представления о террористическом акте показало, что в обыденном сознании теракт ассоциируется со страхом, смертью и взрывом. Можно сделать вывод о том, что у мирного населения сложился стереотипный образ теракта в виде страха смерти от неожиданного взрыва [2]. С другой стороны, развитие средств информации в настоящее время приводит к возрастанию напряженности медиа-пространства, которое оказывается перенасыщенным сообщениями угрожающего характера.

В этой связи можно указать на вторую особенность террористической угрозы — это ее направленность в будущее, несущее в себе потенциальную опасность в связи с терактами. Осознание своей смертности и уязвимости является основой появления негативных эмоциональных состояний страха, ужаса и беспомощности. Исследования показали, что напоминания о террористических атаках в СМИ усиливают чувство незащищенности, т.к. увеличивают доступность мыслей о смерти [17]. Наблюдение за гибелью других людей в результате теракта повышает осознание возможности потери собственной жизни или жизни близких в любой момент.

Третьей особенностью террористической угрозы как психотравмирующего стрессора является антропогенный характер данной опасности, т.е. угрожающее воздействие исходит от злого умысла других людей. В этой связи террористические акты разрушают базисные убеждения человека о благосклонности мира, его справедливости и контролируемости, о ценности собственного «Я», веру в доброту других людей. Происходит трансформация представлений об окружающем мире, что сказывается в изменении отношения к семье, работе, друзьям, снижении удовлетворенности жизнью. По данным исследования Т.А. Павленко и В.Г. Кирсановой, чем выше вера в доброту и осмысленность окружающего мира, тем интенсивнее переживание террористической угрозы [12].

Четвертая характеристика террористической угрозы связана с переживанием коллективного горя от увиденных и услышанных сообщений о несправедливой смерти большого количества людей. Реакция горя включает в себя комплекс различных чувств: от агрессии до сочувствия и сопереживания пострадавшим и их семьям.

Широкое освещение в СМИ произошедших терактов и общественных реакций на них (к примеру, организация мест памяти пострадавших) позволяет населению переживать данную трагедию сообща, а не индивидуально. Совместное проживание горя помогает человеку принять, что в жизни всегда есть место потерям. Признание скорби на индивидуальном уровне, а также осознание того, что ты не один в своем переживании, облегчает восстановление связи людей друг с другом даже в самые тяжелые периоды истории. В исследовании динамики коллективных эмоций, вызванных массовым бедствием, показана их связь с солидарностью, свидетельствующей о социальной устойчивости общества [16].

Современные исследования психологических реакций населения на террористические акты немногочисленны. Так, в исследовании реакций на теракт в Крокус Сити Холле в течение первых нескольких дней после трагических событий отмечаются признаки острого стресса, указываются возникающее чувство незащищенности, ощущение надвигающейся беды или катастрофы, развитие затяжных состояний страха и массовой тревоги [5].

В исследовании Т.В. Парфеновой показано, что респонденты, которые интенсивно переживают произошедший 7 лет назад теракт в минском метро, проявляют высокий уровень толерантности к другим людям [13]. Т.е. переживаемые ими страх и горе привели к личностным изменениям, проявляющимся в их поведении.

Согласно данным Н.М. Захаровой, А.С. Баевой, Н.А. Соболевой, психические последствия воздействия террористической угрозы могут проявляться в виде фрустраций, аффективных расстройств, психосоматической патологии, постстрессовых изменений личности, приводить к снижению качества функционирования человека в разных сферах жизнедеятельности [7].

В исследовании психического здоровья студентов после теракта в Индонезии показано, что переживание взрыва бомбы в общественном месте привел к дестабилизации их эмоционального состояния, ухудшению здоровья, снижению мотивации к выполнению повседневных обязанностей, избеганию участия в общественной жизни, желанию остаться дома, снижению социального доверия [15].

Согласно данным Линичевой А.М., чем больше развито чувство ответственности и выше моральные устои у молодежи, тем выше уровень переживания ими террористической угрозы [9].

Данные исследований показывают, что после терактов изменения происходят не только на уровне эмоциональных состояний, но и на уровне социальных установок и поведения. Так, в исследовании М. Mancosu получены данные о том, что в случае, если теракт был совершен иммигрантом из другой страны, то реакция коренных жителей проявляется в росте негативного отношения ко всем иммигрантам [19]. Причем этот эффект длится около трех дней, становясь незначительным через четыре дня после теракта. Кроме того, значительный рост агрессии был выявлен только среди наиболее космополитичных граждан, которые в принципе более благосклонны к иммигрантам.

А. Макконен с соавторами исследовали, как люди в разных культурных контекстах (Франция, Испания, Норвегия, США, Финляндия) реагировали на новости о терроризме и какие факторы обуславливают страх перед терроризмом [18]. Наиболее универсальным результатом для всех стран стали данные о том, что высокий уровень нейротизма увеличивает вероятность возникновения страха из-за сообщений об

угрозе теракта. В качестве объяснения полученному результату авторы приводят данные о большей активации миндалины у людей с высоким уровнем нейротизма в ситуации предъявления негативных стимулов. Также авторы получили данные о межнациональных стереотипах связи этнической нетерпимости и страхом перед угрозой террористического акта. Связь межличностного доверия и страха перед террористической угрозой зависит от конкретной культуры, а институциональное доверие было положительно связано с более высоким уровнем страха террористической угрозы во всех странах, за исключением Норвегии, где, как указывают авторы, общее доверие к государственным институтам самое высокое в мире. Также получены данные о том, что женщины сообщают о большем уровне страха перед террористической угрозой, чем мужчины, во всех изученных культурах. Авторы предполагают, что у женщин выражен так называемый альтруистический страх за своих детей и супругов в отличие от личного страха перед терактами. Таким образом, авторы показали, что предикторами чувства страха перед терактом являются нейротизм, низкий уровень межличностного доверия, этническая нетерпимость, высокий уровень доверия социальным институтам, женский пол.

Целью данной работы стало изучение переживания террористической угрозы и его динамики в связи с произошедшим терактом на выборке женщин в возрасте от 18 до 44 лет.

Методика

Данные, представленные в этой статье, являются частью комплексного исследования переживания террористической угрозы. Поскольку сбор данных продолжается и предполагает опрос разных групп населения, из общей выборки была отобрана наиболее гомогенная подвыборка, достаточная по своему объему для проведения статистических операций. Таким образом, в выборку исследования ($n = 95$) вошли студентки высших учебных заведений г. Москвы в возрасте от 18 до 40 лет (средний возраст — 25,54 года), получающие высшее образование по специальностям «Психология», «Клиническая психология». Все респондентки являются жителями г. Москвы и не состоят в браке.

Эмпирические данные исследования относятся к следующим временным периодам:

I. Январь 2024 г. — сбор данных для основного исследования. Опрошены 29 женщин в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст — 19,54 года).

II. Март 2024 г. — в течение нескольких дней после трагедии в «Крокус-Сити Холле» были опрошены 44 человека в возрасте от 18 до 44 лет (средний возраст — 30,68 года).

III. Май 2024 г. — повторное обследование части респондентов, заполнявших опросники в первый раз в январе 2024 г.: 21 женщина в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст — 19,52 года).

IV. Ноябрь 2024 г. — 21 женщина в возрасте от 21 до 26 лет (средний возраст — 22,66 года).

Социально-демографическая гомогенность групп позволила нам провести сравнение данных, полученных в январе и после марта 2024 г., как показателей переживания террористической угрозы до и после теракта.

Был использован следующий комплекс методик:

1. Шкала психологического дистресса PSM-25 (R. Tessier, L. Lemyre, L. Fillion (1990) в адаптации Н.Е. Водопьяновой [6]).
2. Госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS (в адаптации Н.А. Морозовой с соавт. [10]).
3. Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ).

В данном исследовании была использована обновленная версия опросника переживания террористической угрозы, первый вариант которого был разработан и апробирован в конце 2000-х гг. в Институте психологии РАН [1]. На данный момент методика представляет собой опросник, состоящий из 25 вопросов, предлагающих респондентам оценить степень согласия с утверждениями по 5-балльной шкале. Конструкт переживания террористической угрозы представлен следующими компонентами: Доверие правительственным инициативам, Психологическая готовность к терактам, Интерес к информации о терактах, Оценка социально-экономических последствий, Изменение обычных форм поведения, Изменение в социальном взаимодействии вследствие террористической угрозы. Эти компоненты были выделены в ходе собственных теоретических и эмпирических исследований авторов и рассматриваются нами как значимые аспекты переживания террористической угрозы. В настоящее время апробация обновленной методики ОПТУ продолжается. Предварительная проверка психометрических характеристик показала удовлетворительный уровень надежности методики (α -Кронбаха = 0,696).

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета IBM SPSS Statistics v. 23 и включала в себя проведение процедур описательной статистики, проверку нормальности распределений (критерий Колмогорова-Смирнова), расчет коэффициентов корреляции r_s -Спирмена, сравнение контрастных групп (критерий U-Манна-Уитни).

Результаты

В течение периода сбора данных для основного исследования произошел теракт 22 марта 2024 г. в «Крокус-Сити Холле», ставший причиной гибели 145 человек и ранений у 551 человека, включая детей. Информационное освещение событий с места теракта велось круглосуточно.

Собранные нами данные позволяют проследить динамику переживания террористической угрозы до и после теракта, а также оценить это переживание в отсроченной перспективе (спустя 8 месяцев).

1. Был проведен сравнительный анализ показателей ОПТУ между двумя временными замерами: 19.01.2024 и 25.03.2024–31.03.2024. В связи с тем, что собранная в марте 2024 г. группа респондентов по возрасту не соответствует опрошенным в январе, из нее была выделена подгруппа респондентов, соответствующих возрастному диапазону 18–24 года.

Данные по выделенным статистически значимым различиям представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение ответов на вопросы ОПТУ в январе (n = 29) и марте (n = 10) 2024 г. (критерий Манна-Уитни)

№	Содержание пункта	Январь 2024 г.		Март 2024 г.		U	p
		M	Me	M	Me		
3	Я считаю, что теракты будут еще происходить	2,71	3,00	3,60	4,00	59,00	0,004
11*	Я не интересуюсь информацией о террористической активности	1,28	1,00	2,80	3,00	49,50	0,002
14*	Я не планирую страховать свое имущество от несчастных случаев, связанных с терактами	1,90	2,00	0,70	1,00	52,00	0,002
15	Я избегаю общественных мест и большого скопления людей из-за опасности теракта.	0,90	1,00	1,70	2,00	83,50	0,034
17*	Я не обсуждаю информацию о терактах со своими знакомыми и близкими людьми	1,52	1,00	3,60	4,00	20,00	<0,01
21*	При появлении информации о теракте у меня не возникает желание позвонить близким	2,14	2,00	3,60	4,00	35,00	<0,01
22*	Я стараюсь избегать любой информации о террористической активности (новостные выпуски, статьи, книги и т.д.)	2,52	3,00	3,40	3,50	75,50	0,017
24	Мне важно узнавать подробности о терактах и их последствиях	1,72	2,00	2,70	3,00	72,50	0,016
	Общий балл	43,59	44,00	54,90	56,00	40,00	<0,01

Примечание. Представлены только статистически значимые различия. Знаком * отмечены «обратные» пункты. Me — медиана, M — среднее значение, U — значение критерия Манна-Уитни, p — уровень значимости.

По данным таблицы видно, что достоверные различия между двумя временными замерами обнаружены для общего балла переживания террористической угрозы и отдельных пунктов ОПТУ. Содержательный анализ выявленных различий показывает, что повышение переживания террористической угрозы после терактов происходит за счет актуализации темы безопасности, прогнозирования новых терактов, возрастания потребности в информации о теракте, повышения беспокойства за близких.

Сравнение уровня психологического стресса по методике PSM-25 показало отсутствие статистически значимых различий между сопоставляемыми временными замерами (U = 160,5 при p = 0,601). Среднее значение уровня стресса до теракта 22 марта 2024 г. — 97,381 баллов (соответствует низкому уровню стресса), а несколько дней после теракта — 100,529 баллов (средний уровень стресса). Также не было зафиксировано статистически значимых различий в показателях тревоги и депрессии для двух временных замеров (p > 0,05).

Таким образом, произошедший теракт не отразился в повышении уровня психологического стресса у респондентов, но можно говорить об изменениях в когнитивных и поведенческих аспектах переживания террористической угрозы.

2. Для проверки предположения о том, что различия, выявленные в некоторых аспектах переживания террористической угрозы, могут быть обусловлены когортными различиями и не связаны с произошедшим терактом, в мае 2024 г. было проведено повторное обследование группы респонденток, принявших участие в исследовании в первый раз в январе 2024 г. Результаты сравнения ответов по пунктам методики ОПТУ представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Сравнение ответов на вопросы ОПТУ в январе и мае 2024 г. (n=20)
 (критерий Вилкоксона)**

№	Содержание пункта	Январь 2024 г.		Май 2024 г.		p
		М	Me	М	Me	
2	Я не доверяю работе специальных служб помощи населению (военные, врачи и пр.) в условиях террористической угрозы	1,25	1,00	1,75	2,00	0,040
4	У меня возникают мысли о том, где в моем городе может произойти теракт	2,15	2,00	2,95	3,00	0,007
9*	Я задумываюсь о том, что я могу сделать уже сейчас для защиты себя и своих близких от теракта	1,35	1,00	1,80	2,00	0,020
11*	Я не интересуюсь информацией о террористической активности	1,40	1,50	2,20	2,00	0,010
14*	Я не планирую страховать свое имущество от несчастных случаев, связанных с терактами	1,85	2,00	1,40	1,00	0,020
17*	Я не обсуждаю информацию о терактах со своими знакомыми и близкими людьми	1,45	1,00	2,55	3,00	0,003
21*	При появлении информации о теракте у меня не возникает желание позвонить близким	1,95	2,00	2,70	3,00	0,024
25	Я никогда не задумывался о том, как буду себя вести, если теракт меня затронет	2,35	3,00	3,15	3,00	0,035
	Общий балл	43,50	43,50	49,55	50,00	0,007

Примечание. Представлены только статистически значимые различия. Знаком * отмечены «обратные» пункты. Me — медиана, М — среднее значение, p — уровень значимости различий.

Результаты подтвердили повышение переживания угрозы терактов в целом за счет таких ее компонентов, как интерес к информации о террористической активности и стремление к ее обсуждению, а также беспокойство за близких. Кроме того, возрос антиципационный компонент, связанный с прогнозированием новых терактов и размышлениями о собственных действиях, направленных на снижение потерь в случае, если новый теракт повторится.

При этом также не было зафиксировано увеличение уровня стресса по методике PSM-25 и выраженности симптомов депрессии и тревоги по Госпитальной шкале ($p > 0,05$).

Таким образом, полученные в ходе ретеста данные свидетельствуют об изменчивости конструкта переживания террористической угрозы и его «чувствительности» к психологическим изменениям в ответ на внешние события.

3. Третьим временным срезом стало сравнение данных, полученных в мае и в ноябре 2024 г. (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение ответов на вопросы ОПТУ в мае (n=20) и ноябре (n=21) 2024 г. (критерий Манна-Уитни)

№	Содержание пункта	Май 2024 г.		Ноябрь 2024 г.		U	p
		М	Me	М	Me		
4	У меня возникают мысли о том, где в моем городе может произойти теракт	2,95	3,00	2,09	2,00	130,00	0,031
12	Из-за террористической угрозы у меня появилось враждебное отношение к людям некоторых национальностей	1,15	1,00	1,86	2,00	135,50	0,047

Примечание. Представлены только статистически значимые различия. Me — медиана, М — среднее значение, U — значение критерия Манна-Уитни, p — уровень значимости.

Сравнительный анализ показал, что в ноябре 2024 г., спустя почти 8 месяцев после теракта, большинство компонентов переживания террористической угрозы осталось на прежнем уровне, за исключением двух пунктов. Небольшое снижение зафиксировано для прогнозирования новых терактов. Кроме того, возросло враждебное отношение к представителям некоторых национальностей.

Уровень стресса, тревоги и депрессии также не претерпел изменений ($p > 0,05$).

4. Далее был проведен сравнительный анализ по пунктам и общему баллу ОПТУ между двумя временными замерами: 25.03.2024–31.03.2024 и 11.11.2024, т.е. спустя несколько дней и 8 месяцев после теракта 22 марта 2024 г. Для сравнения были отобраны респонденты двух временных срезов, уравненные по возрасту (от 21 до 26 лет). Данные по выделенным статистически значимым различиям представлены в таблице 4.

По данным таблицы видно, что достоверные различия в переживании террористической угрозы выявлены по пункту 12 («Из-за террористической угрозы у меня появилось враждебное отношение к людям некоторых национальностей»). Показано, что спустя 8 месяцев по всем пунктам опросника ОПТУ не произошло изменений, кроме вопроса связанного с враждебностью к лицам других национальностей. Значения по этому пункту выросли. На этом основании можно заключить, что уровень переживания террористической угрозы не снизился со временем, а находится на той же высоте, что и спустя несколько дней после теракта.

Таблица 4

Сравнение ответов на вопросы ОПТУ в группах респондентов, опрошенных 25.03.2024 (n = 14) и 11.11.24 (n = 21) (критерий Манна-Уитни)

№	Содержание пункта	Март 2024 г.		Ноябрь 2024 г.		U	p
		Me	М	Me	М		
12	Из-за террористической угрозы у меня появилось враждебное отношение к людям некоторых национальностей	0,5	1	2	1,857	87,5	0,044

Был также изучен уровень стресса по методике PSM-25 в эти временные периоды. Среднее значение уровня психологического стресса в марте 2024 г. — 95,643 баллов (низкий уровень стресса), а в ноябре — 101,476 баллов (средний уровень стресса). Однако это различие не достигает статистически значимой разницы ($U = 133,5$ при $p=0,654$). Таким образом, можно говорить о выявленном постоянном уровне адаптированности к стрессовой напряженности, который оказывается довольно устойчивым к информационно-психологическим угрозам.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование имеет существенные ограничения и не позволяет экстраполировать результаты на всю генеральную совокупность. К таким ограничениям относятся небольшой размер выборки, участие респондентов только женского пола и получающих образование по психологическим специальностям. Однако стремление к обеспечению гомогенности выборки позволило повысить значимость полученных результатов.

Полученные данные свидетельствуют том, что теракт в Крокус Сити Холле для данной группы лиц не выступил стрессором, который бы актуализировал состояние психической напряженности на эмоциональном уровне. Этот результат следует рассматривать в контексте других угроз (эпидемиологических, социальных, экономических, политических) последних лет. Данные литературы по оценке психологического состояния российского общества в условиях СВО показывают, что в сентябре 2023 года клинический уровень депрессии по самоотчетам респондентов наблюдается у 32%, а тревоги — у 18% опрошенных [11]. Также показано, что мирные жители, проживающие в разной степени удаленности от мест военных действий, испытывают психологическую усталость от сопереживания пострадавшим. Наши данные об отсутствии увеличения психологического стресса у респондентов после теракта 22 марта 2024 года в Крокус Сити Холле могут свидетельствовать о том, что существовавшая до теракта стрессогенная ситуация заставляет людей адаптироваться даже к таким событиям, как террористический акт. Перманентное присутствие террористической угрозы в жизни социума делает ее частью субъективной реальности, включенной в повседневную жизнь каждого его члена. В условиях повышенной психоэмоциональной нагрузки ненормальное становится нормальным.

Изучение динамики переживания террористической угрозы показало, что изменение информационного поля (новостные сообщения о теракте) ведет к актуализации темы безопасности. В нашем исследовании не было зафиксировано изменений эмоционального состояния в связи с переживанием угрозы терактов, что, вероятно, может быть связано со спецификой выборки. Однако изменения в переживании террористической угрозы проявляются в повышении уровня бдительности, прогнозировании новых терактов и повышении потребности в получении и обсуждении информации о терактах. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что после теракта выраженной стратегией возвращения контроля над происходящим является поиск информации и обсуждение данной темы с близкими людьми.

Показана следующая динамика переживания террористической угрозы: после теракта 22 марта 2024 года уровень переживания возрос и остается на таком же уровне в течение восьми месяцев. Изменения коснулись только возрастания к ноябрю 2024 года враждебности к лицам других национальностей в связи с терактами. Эти данные должны быть приняты во внимание при составлении информационных сообщений в СМИ. Чрезмерный акцент на национальной принадлежности террористов в средствах массовой информации может приводить к негативным социально-психологическим последствиям — ксенофобии, разобщению и снижению солидарности в обществе, что в долгосрочной перспективе может иметь негативный эффект для психологической устойчивости общества.

Литература

1. Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
2. Быховец Ю.В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007.
3. Быховец Ю.В. Стресс от невидимых информационных угроз и его последствия // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Том 31. № 3. С. 132–166. DOI: 10.17759/cpp.2023310307
4. Быховец Ю.В., Казымова Н.Н. Современные отечественные исследования психологических факторов переживания террористической угрозы // Психологический журнал. 2019. Том 40. № 3. С. 22–30. DOI: 10.31857/S020595920004542-2
5. Вачков И.В., Вирясова Е.И., Мелентьева О.С., Панфилова М.А. Психологическая помощь лицам в стадии острой травмы (на материале работы с жертвами террористического акта в «Крокус Сити Холле») [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2024. Том 13. № 1. С. 155–175. DOI: 10.17759/cpse.2024130110
6. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб: Питер, 2009. 336 с.
7. Захарова Н.М., Баева А.С., Соболев Н.А. Социально-психологические последствия современного терроризма // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 190–205. DOI: 10.17759/psylaw.2018080314
8. Казымова Н.Н. Террористическая угроза как информационно-психологический стрессор (Глава XII) // Онто- и субъектогенез психического развития человека [Сергиенко Е.А., Знаков В.В., Тарабрина Н.В. и др.]. / Отв. ред. Н.Е. Харламенкова, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, Н.Н. Казымова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 253–264.
9. Линичева А.М. Особенности переживания террористической угрозы в молодежной среде // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. Сборник трудов конференции. Владимир, 2023. С. 1634–1639.
10. Морозова М.А., Потанин С.С., Бениашвили А.Г. и др. Валидация русскоязычной версии Госпитальной шкалы тревоги и депрессии в общей популяции // Профилактическая медицина. 2023. № 26 (4). С. 7–14. DOI: 10.17116/profmed2023260417

11. *Нестик Т.А.* Психологическое состояние российского общества в условиях СВО // Социодиггер. 2023. Том 4. Вып. 9 (28). [Электронный ресурс]. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (Дата обращения: 12.11.2024)
12. *Павленко Т.А., Курсанова В.Г.* Индивидуально-психологические различия в переживании террористической угрозы студенческой молодежью // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2020. Вып. 59. С. 136–148. DOI: 10.15382/sturIV202059
13. *Парфенова Т.В.* Психологические механизмы и закономерности переживания террористического акта косвенными свидетелями // Сборник статей I Международной научно-практической конференции. Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст. Сост. Т.Е. Коровкина, отв. ред. Т.Н. Адеева, С.А. Хазова. Кострома, 2021. С.77–81.
14. *Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В.* Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
15. *Dasopang M.D., Erawadi, Sati A. et al.* Analysis of students' mental health after terror cases in indonesia // Systematic Reviews in Pharmacy. 2020. Vol. 11. (2). P. 939–943.
16. *Garcia D., Rimé B.* Collective emotions and social resilience in the digital traces after a terrorist attack // Psychological Science. 2019. Vol. 30 (5). P. 617–628. DOI: 10.1177/0956797619831964
17. *Landau M.J., Solomon S., Greenberg J. et al.* Terror management and aggression: evidence that mortality salience motivates aggression against worldview-threatening others // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74 (3). P. 590–605. DOI: 10.1037//0022-3514.74.3.590
18. *Makkonen A., Oksanen A., Gadarian S. K. et al.* Fear-triggering effects of terrorism threats: Cross-country comparison in a terrorism news scenario experiment // Personality and Individual Differences. Vol. 161. No. 15. Art. 109992. DOI: 10.1016/j.paid.2020.109992
19. *Mancosu M., Pereira M.F.* Terrorist attacks, stereotyping, and attitudes toward immigrants: The case of the Manchester bombing // Social Science Quarterly. 2021. Vol. 102 (1). P. 420–432. DOI: 10.1111/ssqu.12907

References

1. Bykhovets Ju.V., Tarabrina N.V. *Psikhologicheskaya otsenka perezhivaniya terroristicheskoi ugrozy: Rukovodstvo [Psychological assessment of terrorist threat experience: Manual]*. Moscow: Publ. «Institute of psychology RAS», 2010. (In Russ.)
2. Bykhovets Ju.V. *Predstavleniya o terroristicheskom akte i perezhivanie terroristicheskoi ugrozy zhitelyami raznykh regionov RF. [Representations of terrorist threat experience in residents of different regions of Russia]*. PhD Thesis. Moscow, 2007. (In Russ.)
3. Bykhovets Ju.V. *Stress ot nevidimyykh informatsionnykh ugroz i ego posledstviya [Stress of Invisible Information Threats and its Consequences]*. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2023. Vol. 31, no. 3, pp. 132–166. DOI: 10.17759/cpp.2023310307 (In Russ.)
4. Bykhovets Ju.V., Kazymova N.N. *Sovremennye otechestvennye issledovaniya psikhologicheskikh faktorov perezhivaniya terroristicheskoi ugrozy [Modern domestic researches of psychological factors of terrorist threat experience]*. *Psikhologicheskii*

- zhurnal = Psychological Journal*, 2019. Vol. 40, no. 3, pp. 22–30. DOI: 10.31857/S020595920004542-2 (In Russ.)
5. Vachkov I.V., Viryasova E.I., Melent'eva O.S., Panfilova M.A. Psikhologicheskaya pomoshch' litsam v stadii ostroi travmy (na materiale raboty s zhertvami terroristicheskogo akta v «Krokus Siti Kholle») [Psychological Support for Individuals Experiencing Acute Trauma (Based on Experience Working with Victims of a Terrorist Attack at Crocus City Hall)] [Electronic resource]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2024. Vol. 13, no. 1, pp. 155–175. DOI: 10.17759/cpse.2024130110 (In Russ.)
  6. Vodop'yanova N.E. Psikhodiagnostika stressa [Psychodiagnostic of stress]. St. Petersburg: Piter, 2009. 336 p. (In Russ.)
  7. Zakharova N.M., Baeva A.S., Sobolev N.A. Sotsial'no-psikhologicheskie posledstviya sovremennogo terrorizma [Socio-psychological impacts of the modern terrorism] [Electronic resource]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 18, no. 3, pp. 190–205. DOI: 10.17759/psylaw.2018080314 (In Russ.)
  8. Kazymova N.N. Terroristicheskaya ugroza kak informatsionno-psikhologicheskii stressor (Glava XII) [Terroristic threat as informational and psychological stressor. Chapter XII]. In: E.A. Sergienko, V.V. Znakov, N.V. Tarabrina et al. Onto- i sub"ektogenez psikhicheskogo razvitiya cheloveka [Ontogenesis and subjectogenesis of human mental development]. Moscow: Publ. «Institute of psychology RAS», 2022. Pp. 253–264. (In Russ.)
  9. Linicheva A.M. Osobennosti perezhivaniya terroristicheskoi ugrozy v molodezhnoi srede [Features of terroristic threat experience in youth environment]. Dni nauk nauki studentov Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni A.G. i N.G. Stoletovykh Sbornik trudov konferentsii. [Science Days of students of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov. Proceedings of the conference]. Vladimir, 2023. Pp. 1634–1639. (In Russ.)
  10. Morozova M.A., Potanin S.S., Beniashvili A.G. et al. Validatsiya russkoyazychnoi versii Gospital'noi shkaly trevogi i depressii v obshchei populyatsii [Validation of the Hospital Anxiety and Depression Scale Russian-language version in the general population]. *Profilakticheskaya meditsina = Russian Journal of Preventive Medicine*, 2023. No. 26 (4), pp. 7–14. DOI: 10.17116/profmed2023260417 (In Russ.)
  11. Nestik T.A. Psikhologicheskoe sostoyanie rossiiskogo obshchestva v usloviyakh SVO [Psychological state of Russian society in the context of special military operation]. *Sotsiodigger = Sociodigger*, 2023. Vol. 4, no. 9 (28). [Electronic resource]. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-usloviyakh-svo> (Date of access: 12.11.2024) (In Russ.)
  12. Pavlenko T.A., Kirsanova V.G. Individual'no-psikhologicheskie razlichiya v perezhivanii terroristicheskoi ugrozy studencheskoi molodezh'yu [Individual psychological differences in the experience of terrorist threats among students]. *Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya = Bulletin of the orthodox St. Tikhon's university of humanities. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 2020. No. 59, pp. 136–148. DOI: 10.15382/sturIV202059 (In Russ.)
  13. Parfenova T.V. Psikhologicheskie mekhanizmy i zakonomernosti perezhivaniya terroristicheskogo akta kosvennymi svidetelyami [Psychological mechanisms and patterns of experiencing a terrorist act by indirect witnesses]. In: T.E. Korovkina, T.N. Adeeva, S.A. Khazova (Eds.). Sbornik statei I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Zhiznennye traektorii lichnosti v sovremennom mire: sotsial'nyi i individual'nyi kontekst [Collection of articles of the I International Scientific and Practical Conference. Life

- trajectories of personality in the modern world: social and individual context]. Kostroma, 2021. Pp.77–81. (In Russ.)
14. Tarabrina N.V., Bykhovets Ju.V. Terroristicheskaya ugroza: teoretiko-empiricheskoe issledovanie [Terroristic Threat: theoretical and empirical study]. Moscow: Publ. «Institute of psychology RAS», 2014. (In Russ.)
  15. Dasopang M.D., Erawadi, Sati A. et al. Analysis of students' mental health after terror cases in Indonesia. *Systematic Reviews in Pharmacy*, 2020. Vol. 11. (2), pp. 939–943.
  16. Garcia D., Rimé B. Collective emotions and social resilience in the digital traces after a terrorist attack. *Psychological Science*, 2019. Vol. 30 (5), pp. 617–628. DOI: 10.1177/0956797619831964
  17. Landau M.J., Solomon S., Greenberg J. et al. Terror management and aggression: evidence that mortality salience motivates aggression against worldview-threatening others. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998. Vol. 74 (3), pp. 590–605. DOI: 10.1037//0022-3514.74.3.590
  18. Makkonen A., Oksanen A., Gadarian S. K. et al. Fear-triggering effects of terrorism threats: Cross-country comparison in a terrorism news scenario experiment. *Personality and Individual Differences*, Vol. 161, no. 15, art. 109992. DOI: 10.1016/j.paid.2020.109992
  19. Mancosu M., Pereira M.F. Terrorist attacks, stereotyping, and attitudes toward immigrants: The case of the Manchester bombing. *Social Science Quarterly*, 2021. Vol. 102 (1), pp. 420–432. DOI: 10.1111/ssqu.12907

Информация об авторах

Быховец Юлия Васильевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-4334>, e-mail: bykhovetsjv@ipran.ru

Казымова Надежда Наильевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3414-8551>, e-mail: kazymovann@ipran.ru

Information about the authors

Julia V. Bykhovets, PhD (Psychology), Senior researcher, Laboratory of Human Development in Normal and Posttraumatic States, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-4334>, e-mail: bykhovetsjv@ipran.ru

Nadezhda N. Kazymova, PhD (Psychology), Researcher, Laboratory of Human Development in Normal and Posttraumatic States, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3414-8551>, e-mail: kazymovann@ipran.ru

Получена 1.12.2024

Received 1.12.2024

Принята в печать 25.12.2024

Accepted 25.12.2024